

МОЯ СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

РОМАН МИХАЛЫЧ

Роман Михалыч

Моя сельская жизнь

«Автор»

2026

Михалыч Р.

Моя сельская жизнь / Р. Михалыч — «Автор», 2026

Воспоминания моего советского детства глазами ребенка. Образы героев -
собираательные, а все совпадения - случайны.

© Михалыч Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михалыч

Моя сельская жизнь

Часть I. ДРУЖОЧЕК.

Пока в стране развитого социализма, и всех других народных благ, пытались построить Коммунизм, мои родители вдруг надумали разводиться. Так бывает. В большом, вальяжно раскинувшемся на равнинах средней полосы, городе Русского Черноземья было относительно тихо, люди жили сыто, неспешно, надеждами и верой в светлое будущее. Создавали семьи, растили детей, ходили на работу, копались в огородах, разводились, и начинали жить заново. Шел 1971 год.

О том, что меня впереди ожидает нечто сильно нехорошее я, здоровый трехлетка, любилец бабушки, почувствовал заранее. Сначала, в атмосфере дома повисло тягостное напряжение, где за закрытыми от меня дверями, как-то особенно громко, начали спорить и ругаться мои родители. Бабушка все чаще тайком вытирала намокшие глаза уголком платка, но виду не подавала. Мать отворачивалась, когда я вопросительно смотрел ей в глаза, невпопад говорила всякие глупости, а отец почему-то, просто избегал общаться со мной.

В тот день, когда мама собрала чемодан, и елеиным голосом сообщила, что мы едем с ней к другой моей бабушке, а папа останется здесь, я понял, что пришла беда. Ее масштаб я ощутил в тот момент, когда мать протянула мне новую, неожиданно красивую игрушку. Это был светофор. С цветными настоящими лампочками, с батареей. И с блестящей кнопкой. Раньше у меня никогда не было таких дорогих и красивых игрушек.

В глубине души я еще надеялся, что другая бабушка живет где-то недалеко, несколько остановок на трамвае, а вечером мы с мамой уже вернемся назад, в наш дом. И меня будут купать в теплой детской железной ванной на полу кухни, и моя любимая бабушка будет вытирать меня большим мягким полотенцем.

Когда мы с матерью уже сели в вагон поезда, и она излишне настойчиво стала предлагать мне поиграть вместе с ней в тот злосчастный светофор, я вдруг увидел в заплаканное дождем окно - отца, одиноко стоящего на перроне. Отец смотрел на нас откуда-то снизу, издалека, как из другого мира, махал рукой и пытался улыбаться. Но улыбка у него совсем не получалась.

И вот тут я зарыдал. Громко так, с надрывом, от всей своей детской беспомощности и отчаяния. Мать вдруг стала какой-то совсем чужой, больно обнимала меня, чтобы я не мог убежать, а моей защитницы бабушки сейчас не было рядом. Сидящие напротив пассажиры противно закачали головами, укоризненно зашикали мерзкими языками, и стали меня высокомерно стыдить: «какой большой мальчик, как не стыдно плакать...» А я в тот момент ненавидел и соседей в вагоне, и весь подлый мир.

Словно в забытии, в бреде, в каком-то тумане, мы все куда-то, ехали, пересаживались с поезда на поезд, и опять ехали. Все дальше и дальше от дома. Долго, очень долго. Куда, зачем? Мне уже стало все равно. Как в страшной сказке, я вдруг, из ярко сверкающего огнями большого красивого города, оказался в совершенно чужом незнакомом мне мире. Тёмные стены комнаты, где я очнулся, были пробиты низкими маленькими окошками, в которые ничего не было видно. Под потолком – тусклая лампочка на кривом проводе, без абажура. Половину комнаты занимала когда-то давно побеленная пыльная печь. Стоял стол, стульев не было.

Вдоль длинных сторон стола были огромные деревянные лавки. Еще очень высокая кровать. Всего одна. Где нам с мамой предстояло спать под одним тяжелым ватным одеялом из цветных лоскутков. Бабушка спала или на печке, или на лавке. Обувь мне сказали не снимать. Из угла с тусклой лампадкой под потолком, на меня грозно исподлобья смотрели лики святых.

На стене висели множество очень разных фотографий незнакомых мне людей, почему-то все в одной рамке. Я пытался среди них увидеть хоть одно знакомое лицо, но не находил. Было холодно. И очень страшно. За столом сидели какие-то чужие мне люди, бабушка, и с ними моя мама. Они тихо, полупшепотом, чтобы я не слышал, о чем-то общались. В какой-то момент я осознал, что не понимаю о чем они говорят. Совсем. Язык, на котором они все разговаривали, был чужой. Меня охватило полное отчаяние.

Утро не принесло ясности. Голова болела от слез. Мне еще долго казалось, что все произошедшее – всего лишь, сон, такой затянувшийся и кошмарный. Но это был не сон. Это был совершенно иной мир, в котором мне предстояло жить ближайшие годы. Детская психика довольно пластичная, в силу врожденного инстинкта выживания, включила внутренние защитные механизмы. И я, как мог, начал приспосабливаться к своей новой жизни.

Первое, что я понял тогда, это то, что мама со мной рядом, значит шансы выжить у меня есть. Во-вторых, все не так плохо, как показалось во вчерашних сумерках, и здешняя бабушка, лишь отдаленно напоминающая платком и передником ту, из прошлой моей жизни, варить в печке и жрать меня не собирается. По крайней мере, сегодня уж точно. В-третьих, было и жутко и одновременно интересно, исследовать новый дикий для меня мир, полный опасностей, тайн и ожидающих меня приключений.

Деревня, где я очутился, была безнадежно затеряна в бескрайних снегах одной национальной автономной республики нашей большой страны, более чем в тысяче километров от моей родины. И так как, страна была очень большая, то цивилизация сюда еще не добралась, поэтому не было ни асфальтированных дорог, ни освещенных улиц, ни магазинов, ни трамваев, и даже церкви тут не было. Как не было ни отца, ни бабушки, ни игрушек, ни родных стен, ни русского языка.

Мои родители поссорились из-за различия своих взглядов на устройство семейной жизни. Мама забрала меня, и насовсем уехала к своей маме. Я с отчаянием понимал, что назад мы уже не вернемся никогда. Думать о будущем было еще страшнее, чем анализировать происходящее, и надо было как-то жить дальше.

В доме было уже не так страшно, но в присутствии новой бабушки, я сильно робел. Я реально ее боялся. В какой-то момент меня выгнали, или я сам набрался смелости, и наконец то, вышел во двор. Тогда и случилось событие, которое помогло мне сохранить силы, здравый смысл, надежду, и выжить в этом новом незнакомом мне мире. Это была – собака. Обычная. С лапами и хвостом. Серо-черная дворняга, средних размеров, которая в темноте, когда мы приехали, злобно лаяла на нас с матерью, и демонстративно пыталась порвать цепь, на которой ее держали. Сейчас она виляла хвостом, и заискивающе смотрела в глаза. Я ее не боялся, но и почему-то особо не доверял. До этого, собак я не видел, во всяком случае настоящих, живых, и так близко. Картинки и одноименные игрушки не имели ничего общего с настоящей реальной собакой.

Собака облизывала свою морду длинным розовым языком, от которого шел морозный пар, и пыталась меня понюхать, но цепь не пускала ее. Бабушка, или мама, сейчас уже не вспомнить, дала мне кусочек черного хлеба, и жестом показала, что собаку надо угостить. Очень скоро я понял, что деревенские собаки не только неприхотливые, но и очень благодарные существа, если ты их кормишь, даже обычным черным хлебом. Как-то так...

Момент, определивший мою дальнейшую жизнь, и нашу дружбу с собакой, я запомнил навсегда. Собака брала хлеб из моих рук жадно, но осторожно, стараясь не прихватить зубами мои пальцы. Мы стали друзьями прям сразу, мгновенно, на каких-то общих звериных инстинктах. Когда я спросил маму, как ее зовут, она пожав плечами, сказала: «Дружок. Наверное». И у меня впервые в жизни появился Друг. Самый верный и настоящий. И, как мне сейчас кажется, за прошедшие пятьдесят с лишним лет, не было у меня больше таких друзей. Никогда не было. И уже никогда не будет.

И первое, с чего я начал, после того, как бабушка спрятала дома от нас весь хлеб, это было освобождение моего нового друга. Интуитивно я уже тогда понимал, что это не правильно: держать живое существо на цепи. И отчаянно просил маму, тянул за подол бабушку, ныл, канючил, кричал, угрожал и плакал, и наконец добился своего: Дружка отстегнули от цепи. Да, он ждал этого, очень ждал, всю свою недолгую собачью жизнь, и был просто счастлив. И я тоже.

Но мои глобальные неприятности, на этом не закончились. Как оказалось позже, моя мама не уехала из большого города, где мы жили, в «никуда». И не собиралась она жить в деревне со своей мамой. Насколько я тогда мог понять, где-то рядом, не очень далеко, был ещё город, в котором маме дали хорошую работу, но не дали места, где ей жить. Поэтому, на неопределенное «скоро» я, не знавший местного языка, останусь жить в деревне, в старом деревенском доме, вдвоем с бабушкой, не говорящей по-русски совсем, к тому же плохо слышащей и не понимающей меня.

После той катастрофы, которая случилась со мной ранее, в моей психике видимо, снова сработала какая-то защита, или просто не осталось никаких сил, чтобы впасть в ещё большее отчаяние, и я принял этот удар уже молча, и обреченно. Ведь теперь у меня был верный Друг, на которого я мог положиться.

Моя новая бабушка мне сразу не понравилась, и я ее очень боялся. Ни улыбки, ни ласкового слова не получал я от нее тогда. Только спустя много лет, когда немного повзрослел, я понял, каким замечательным человеком она была ! Простая крестьянка, прожившая нелегкую жизнь в забытой Богом деревне, буквально «пахавшая», как лошадь, тянувшая на себе дом и хозяйство, при унижавшем ее муже-тиране, вырастившая и выучившая двух умниц-дочерей, под конец жизни сильно и безнадежно заболела. Болезнь согнула ее, подкосила так, что бабушка, хромала и еле ходила. Скрючила пальцы натруженных рук, исказила маской непроходящей боли ее лицо, но до конца не сломала. Она продолжала жить, держать немногочисленную скотину, кур и огород, вести нехитрое хозяйство, стараясь не показывать свою боль, помогала, как и чем могла, дочерям и внукам.

Основной проблемой в наших с ней отношениях, оставался языковой барьер. Учить меня местному языку было некому, а приходящие посплетничать бабушкины соседки были не в счет. Не от большого своего деревенского ума, себе на потеху, они тайком учили меня всяким непотребным словам, которые вызывали у них полный восторг и глумление.

Я не понимал того, что повторял за ними, но видя их смеющиеся довольные рожи, мне казалось, что это хорошо и весело. Бабушка, естественно, злилась и ругала меня на своем языке. Русского языка она не знала, да и не нужен он был ей в глухой дикой деревне, где больше половины жителей не умели на то время ни читать, ни писать. Так и общались, используя жесты, мимику, и добавляя в речь больше интонации. Это работало.

Но душевной близости между нами не было. Да и неоткуда было ей взяться, если мы не могли даже просто объясняться, понимать друг друга в быту. Понемногу, с подачи более адекватных соседских бабок, я выучил базу общения: кушать, пить, садиться, смотреть, идти вон, подходить, выучил названия практически всех домашних и часть диких животных, и виды их взаимодействия в плане еды и любви. Ну, и куда без этого - кучу матерных слов различного

толкования, обидных и нарицательных. Многие из тех первых слов, помню до сих пор. Даже иногда использую в общении. Очень даже помогает, в определенных ситуациях.

Бабушка целый день работала, буквально пропадая: в поле, в огороде, в хлеву, в амбаре, в курятнике, во дворе. Топила огромную русскую печь, согревая дом, готовила еду и нам, и скотине. Про газ в деревне тогда даже не слышали. Уголь в республике не добывали, от этого он был очень дорогой, и все топили дровами. Удивляло то, что дрова, как в сказках, сами из леса не приходили, и сами себя не кололи, не заносили себя в дом, и в печь не прыгали. Все это делала бабушка. Одна. Каждый день. Годами. Всю жизнь. И никому уже не легче, от того, что я наконец-то понял, каково вот это вот все. А детям тем более, не объяснить и не понять. Не интересно им это.

После отъезда матери в город на работу, единственным близким мне существом, остался пес Дружок. И с каждым днем, мы становились еще более неразлучными друзьями. Помимо того, что мы играли целыми днями, я как мог, пытался его социализировать. Говорить он отказывался, ну или не очень старался, в общем не получалось у него по-человечьи.

За то я замечательно научился лаять, рычать и скулить. Подражая собаке, я забирался под кровать, догадываясь, что бабушке это может не понравиться, ставил миску с супом на пол, и пытался так есть. Когда это у меня стало более-менее получаться - а я очень старался, я затащил или заманил собаку в дом, пока бабушка была в огороде, и решил разделить обед с другом. То ли мы рычали, урчали и чавкали слишком громко, то ли бабушка не вовремя вернулась, но скандал случился невероятный.

Дружок, чтобы не мешать нашему непонятному диалогу, с визгом, на всякий случай, выскочил в образовавшуюся в дверях щель, ну а мы с бабушкой долго пытались объяснить друг другу тонкости взаимоотношений в нашем социуме. На тот момент, я искренне не понимал, что именно так расстроило бабушку в нашем совместном с Дружком обеде. Бабушка что-то причитала на своем непонятном языке, и вздымала руки к иконам. Лики святых были и так

не особо улыбочивыми, а в тот момент смотрели на меня с особым гневом и осуждением. В конце концов, мне стало жаль бабушку, и я подошел к ней мириться. Она еще долго причитала, плакала, и гладила меня по голове.

Причину такой реакции бабушки на наш с собакой обед из одной миски под кроватью, жестко объяснила мне, приехавшая на выходные мама. Видимо, сама бабушка ей все-таки нажаловалась, так как. Дружок и говорить то особо не умел. Оказалось, что расстроила бабушку не столько гигиеническая составляющая процесса, а его жуткий символизм - выше ее понимания было, как так можно, и главное - что люди скажут ! – жрать из одной миски с собакой, да еще и рядом с валенками под кроватью.

В деревнях до сих пор критически важным бывает мнение окружающих. Мама тогда была ну очень зла. Признаться, я и до сих пор не вижу в этом ничего страшного, ну поиграл ребенок с собакой, как умел, но влетело мне тогда знатно. Дружок еще дня два не показывался на глаза бабушке, скрываясь под амбаром. Видимо, стеснялся за неудачный визит.

Время летело быстро: дни сменялись ночами, неделями, и я перестал его замечать. Все было, как в известном моем любимом мультфильме: «И стал пес жить, как раньше, даже немножко лучше. Забылись прошлые обиды, все забылось...»

Потом неожиданно приехал папа. Большой, суровый, какой-то чужой и неласковый. В один из вечеров, в доме собралось много людей, как мне объяснила мама, это «родня» по ее линии. Никого из них я не знал, и никогда не видел раньше. Говорили они на том же, незнакомом мне языке, что и бабушка. Среди них были трое маминых двоюродных братьев - здоровых хмурых мужиков, одетых в вонючие овчинные тулупы, которые недобро переглядывались, и о чем-то говорили меж собой.

Намного позже, родители рассказали мне, что мамины братья в тот вечер, очень сильно хотели побить моего отца, в том числе за то, что он отказался с ними выпить. Отец не пил совсем, и не курил, до конца жизни. Но папа был слишком здоровый мужик, хорошо за 100 килограмм весом, особых симпатий к новым родственникам не проявлял, и был готов ответить братьям взаимностью. Бить его братья передумали. Но, с этого момента, родственников мамы отец за что-то невзлюбил еще больше.

Было ясно одно: мама назад уже точно не поедет, а присутствие папы здесь, в деревне, мне казалось изначально невероятным, и поэтому ничего не меняло. Они что-то долго решали с мамой, а меня загнали спать на печку, за занавеску, к бабушке. Я напряженно пытался подслушать о чем они говорят, но так и ничего не понял, быстро устал, и заснул в неведении.

Время расставания с моим Дружком пришло внезапно. К тому моменту, я уже привык к нашему сложившемуся незатейливому быту, к холодной воде, к галошам на босу ногу, к деревенским щам из хряка и кислой капусты, к свободе, которую мне давала круглосуточная занятость бабушки, к овцам, свиньям и курам, которые так смешно кудахтали, если их немного побесить. И бабушку я перестал бояться, и полюбил по-своему, осторожно, на дистанции, но искренне, и по-настоящему.

1972 год. Мировые капиталисты, и прочие разные враги, тогда нас очень боялись. Чтобы нашей стране можно было диктовать свою непреклонную волю всему мировому сообществу, мамин завод делал страшные бомбы и ракеты. А маме дали на работе комнатуху в общей квартире, за ее посильный, но такой очень нужный вклад в оборону нашей Родины.

Когда мы собрались уезжать, бабушка плакала. Вещей, чемоданов и узлов было много. И я не представлял, как папа один будет нести все это много километров пешком до станции, где нас ждал поезд. Мы неуклюже прощались, всем было неловко и грустно. От этого прощание получилось скомканным. Ситуацию спасала надежда, что как только все наладится в городе, мы обязательно будем каждые выходные приезжать в гости. Никто, конечно, в это особо не верил, но виду все старались не подавать.

Дружок удивленно смотрел на нас снизу вверх грустными глазами, изредка виляя хвостом, а потом еще долго бежал вслед за нами до конца деревни, провожая меня в очередную новую жизнь в далеком городе.

Я очень скучал по своему Дружочку. Хотя в городе у меня появлялись новые знакомства, более искренних и добрых отношений уже не складывалось. Люди, как оказалось, в большинстве своем, были завистливые, хитрые и злые существа. Готовы обманывать друг друга, врать, и делать подлости за спиной. Как вообще можно сравнивать их с собакой ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.